

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 165—176.

Economic and Social Research. 2023. No. 4 (40). P. 165—176.

Научная статья

УДК 141.2:003 + 316.7

doi: 10.24151/2409-1073-2023-4-165-176

<https://elibrary.ru/qgfwwm>

Национальные культурные коды в эпоху цифровизации

И. М. Горбачева¹, О. В. Шангина², С. И. Пудина³

^{1–3} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ irina_gorbacheva@bk.ru

² shanginao@yandex.ru

³ pudina@bk.ru

Аннотация. Представлен философский анализ роли национальных культурных кодов в процессе развития цифрового общества. Исследуются различные подходы к определению понятия «национальный культурный код». Акцент при этом делается на синергетическом подходе, который наиболее полно учитывает вариативность различных элементов культуры и их взаимосвязь. Приводится определение национального кода культуры. Выделены основные тенденции трансформации национальных культурных кодов под влиянием цифровизации: универсализация, локализация и индивидуализация. Сделан вывод о том, что национальный культурный код дает своеобразный «мировоззренческий иммунитет» против негативной стороны цифровизации, не препятствуя использованию ее позитивных возможностей.

Ключевые слова: культура, культурный код, ценности, общественное сознание, экономика, цифровизация, поле культуры

Для цитирования: Горбачева И. М., Шангина О. В., Пудина С. И. Национальные культурные коды в эпоху цифровизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 165—176. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-165-176>
EDN: QGFWWM.

Original article

National cultural codes in the age of digitalization

I. M. Gorbacheva¹, O. V. Shangina², S. I. Pudina³

^{1–3} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ irina_gorbacheva@bk.ru

² shanginao@yandex.ru

³ pudina@bk.ru

© Горбачева И. М., Шангина О. В., Пудина С. И.

Abstract. In this work, the philosophical analysis of the role of national cultural codes in the development of digital society is presented. The authors explore various approaches to the definition of the concept of “national cultural code”. The emphasis is placed on the synergetic approach that considers to the fullest extent the variability of different cultural elements and their interconnection. The definition of national cultural code is provided. The authors highlight main trends in the transformation of national cultural codes under the influence of digitalization: universalization, localization, and individualization. It has been concluded that the national cultural code provides some sort of “ideological immunity” against the negative side of digitalization, without hindering the use of its positive possibilities.

Keywords: culture, cultural code, values, public consciousness, economy, digitalization, cultural field

For citation: Gorbacheva I. M., Shangina O. V., Pudina S. I. “National Cultural Codes in the Age of Digitalization”. *Economic and Social Research* 4 (40) (2023): 165–176. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-165-176> EDN: QGFVWM.

Актуальность и степень разработанности вопроса

Информационная фаза общественно-исторического развития сопровождается глубокими, системными трансформациями, затрагивающими практически все аспекты социокультурного бытия. Важнейший вызов для современного общества — сохранение национальных культурных кодов, которые размываются под влиянием глобальных процессов, обусловленных цифровизацией. Цифровые технологии в современном мире приобретают статус новой социальной онтологии, заменяя традиционные практики взаимодействия, поведения и коммуникации. Внешние проявления цифровизации тесно связаны с глубокими внутренними трансформациями мировоззренческого характера, которые происходят на уровне как личностного сознания, так и национального. Ключевая тенденция, определяющая развитие сегодняшнего социокультурного бытия, — смена ориентации социального развития с человекоцентричной (гуманистической) на информационно-центричную (или IT-ориентацию). Информационная эра очер-

чивает новые контуры национального сознания, нередко разрушая прежние мировоззренческие основания национальных культур. Независимо от оценок, эта тенденция носит объективный характер и требует тщательного системного исследования.

Интерес исследователей к вопросам цифровизации и влиянию данного процесса на общественное бытие и общественное сознание обусловил появление обширной научной литературы, посвященной данной проблематике. В этом контексте следует отметить работы Е. Бабосова, Ж. Бодрийяра, Н. В. Волоховой и А. Ю. Огурцовой, О. В. Гордиенко, Е. В. Динер и Н. В. Лопатиной, Т. Медока, А. А. Симоновой, А. А. Соколовой, В. С. Степина, Т. Ф. Кузнецовой, Н. М. Мамедовой, П. Фейерабенда, Н. В. Худолей, А. Шриваставы, Б. Якоби и др.

Вместе с тем вопрос влияния цифровизации на национальные коды культуры остается недостаточно раскрытым, что говорит о необходимости ведения исследований в данном предметном поле.

Национальный код культуры: определение понятия

Культура — это среда развития как для личности, так и для социальной группы.

Определений культуры существует множество, и особого внимания среди них заслу-

живает синергетическая дефиниция культуры, которой, в частности, придерживался В. С. Степин, определявший культуру как самоорганизованную развивающуюся систему надбиологических программ человеческой деятельности, обеспечивающую развитие и воспроизводство человеческого сообщества [9, с. 124]. Синергетический подход позволяет наиболее полно исследовать культуру, учитывая широкую вариативность составляющих ее элементов и взаимосвязей между ними. Культура представляет собой живой текст, наполненный множеством смыслов. Как и в любом тексте, в культурном тексте информация закодирована в определенных символах и знаках.

В основе каждой культуры лежит та или иная система мировоззрения, содержащая уникальный культурный код. Изначально понятие «код» появилось в контексте теории информации, под влиянием которой во второй половине XX в. культуру часто рассматривали как коллективное знание, исторически сформировавшуюся информацию, в виде которой хранится и транслируется человеческий опыт в различных онтологических сферах. Данный опыт может быть прочитан каждым новым поколением как культурный текст (система текстов). Знаково-символический аспект текста культуры основан на кодах, содержащих базовые культурные смыслы.

На сегодняшний день культурный код — это базовое понятие культурной семиотики, в контексте которой культура понимается как система знаков и символов, функционирующих по определенным правилам и формирующих специфику национального сознания и поведения. Национальный культурный код соотносится с ценностями, отображает их, но при этом не является аксиологической системой, поскольку лишен ценностной иерархии, формируется стихийно, под влиянием различных культурно-исторических факторов.

По мнению Н. В. Худoley, «национальный код культуры можно охарактеризовать

как сформировавшийся под воздействием национальной культуры комплекс стереотипов в сознании определенной нации» [10, с. 644].

Согласно Е. Бабосову, национальный код культуры «...представляет собой отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных архетипов, образов и ценностей, характеризующих его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки» [1, с. 48].

Национальный код культуры функционирует на нескольких уровнях сознания: и общественного, и сознания личности. Это позволяет говорить о понятии культурного кода личности. Как подчеркивают Е. В. Динер и Н. В. Лопатина, культурный код личности до сих пор не имеет однозначной трактовки в научной литературе, но при этом его рассматривают как некий идеальный конструкт, связанный с бессознательной сферой, скрытой от непосредственного понимания, но определяющей поведение человека [4, с. 132].

Итак, трудности определения понятия «национальный код культуры» обусловлены разнообразием подходов к толкованию культуры, а также изменчивым характером и возможностью ситуативного прочтения самого феномена национального сознания. Для того чтобы выявить суть того или иного национального кода, необходимо выделить некий мировоззренческий инвариант, что весьма затруднительно, поскольку сознание — как индивидуальное, так и коллективное — охватывает собой процесс смены состояний, обусловленный огромным разнообразием факторов, от природно-географических до экономических и информационных. При этом ошибочно полагать, что культурный код нации является чем-то вроде вечно ускользающей иллюзии, поскольку его функционирование и влияние на социум и культуру вполне реально и измеримо (что проявляется в национальной идентификации, разграничении «своих» и «чужих», мотивации стратегий

поведения и др.). В целом можно дать следующее определение национального культурного кода: это система представлений, образов и стереотипов сознания и поведения,

которая носит неиерархический исторический характер, отражает национальные ценности, а также служит основой национальной идентичности.

Культурные границы в цифровом пространстве

В 2017 г. группа культурологов и лингвистов Красноярского государственного аграрного университета во главе с Н. В. Худолей провела исследование состояния духовной культуры современного российского общества. Согласно выводам этого исследования, национальный код культуры представляет собой основу национального менталитета, выступающего совокупностью психологических и мировоззренческих идей, ориентиров и установок. Именно считывание национального кода позволяет людям распознавать в собеседниках «соотечественников» или «иностранцев». Национальные коды формируют системы ценностей и антиценностей для каждой отдельной культуры, интегрируя ее эмпирическое разнообразие в единое семантическое пространство [10, с. 644].

Большинство стран мира — полиэтнические, поэтому национальный код — это метаэтнический уровень интерпретации культуры. Как справедливо отмечает Е. Бабосов, национальный культурный код проявляется «... в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственных, семейно-бытовых, природно-географических, хозяйственно-экономических, геополитических особенностей, считающихся общепринятыми нормами самоидентификации людей, независимо от их этнической принадлежности, и передаваемых из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа» [1, с. 48].

Механизмами трансляции культурных кодов (а значит, менталитета и национальной

идентичности) служат язык, искусство и социокультурные практики, включающие обряды и ритуалы (в том числе социальные). Если в XX в. и ранее границы национальной культуры были относительно четко очерчены и связаны с территориальными границами государств и регионов, то сегодня, в эпоху глобализации и информатизации, эти границы перенесены в виртуальное пространство, где подверглись значительной трансформации и во многом были стерты. В информационном пространстве современности функционируют культурные тексты, которые содержат смыслы различных национальных культур, часто объединенных в эклектическое единство. Такая ситуация сама по себе является вызовом для национальной идентичности и ментальности, поскольку ставит вопрос о невозможности сохранения в прежнем виде национальных культурных кодов.

Под влиянием фактора всеобщей цифровизации сегодня сформировались три основные тенденции трансформации национальных культурных кодов.

1. *Универсализация*: обобщение культурных смыслов, их переход на глобальный уровень, что сопровождается размыванием прежних культурных границ и различий.

2. *Локализация*: обострение национальных вопросов в условиях глобальных информационных вызовов. Потребность в актуализации и анализе уникальных и самобытных особенностей национальных культур. Эта тенденция связана с функциональной ролью национального культурного кода. Каждый национальный культурный код, отмечает Е. Бабосов, характеризуется «совкупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человеко-

формирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысложизненных предпочтений и ожиданий индивидов, их социальных групп в свойственных тому или иному народу культурно-цивилизационных границах» [1, с. 48].

3. *Маргинализация и индивидуализация культур*, возникновение нового на границах традиционного культурного пространства, усиление личностного начала в культуре. Данная тенденция наиболее ярко проявляется в двух аспектах. Первый — преодоление прежних социальных и естественных законов посредством цифровых технологий. Второй заключается в переходе от общего к частному, от интерсубъективных общечеловеческих ценностей, идеалов и ориентиров к частночеловеческим идеалам и ценностям (а также частночеловеческим антиидеалам и антиценностям) [8, с. 129].

Третья тенденция заслуживает особого внимания. Преодоление законов общества и природы в эпоху цифровизации выражается в виртуализации таких базовых аспектов антропологического бытия, как время, телесность и коммуникация. Цифровые технологии дают возможность установления контактов безотносительно к расстояниям и физическим границам. При этом меняется восприятие человеком самого себя, своей телесности, своего сознания и своей самости [15, с. 204]. Цифровизация позволяет людям примерять различные виртуальные образы, замещая в личностном сознании физическую телесность. Материальная среда во многом замещается ее цифровой симуляцией [11, с. 16]. Один из примеров этого — использование технологии создания голограмм человека, ставшей одним из наиболее актуальных направлений развития IT-технологий. Она широко применяется в сферах дистанционного образования, организации корпоративных мероприятий и выставок, культурного досуга. Коммуни-

кация между ведущим (лектором, гидом) и зрителями в данном случае происходит в режиме офлайн, поскольку голограмма представляет собой заранее записанную в высоком разрешении информацию, которая транслируется на дисплей или на голографическую пленку (например, технология MUSEUM). Благодаря использованию голограмм одно и то же мероприятие можно проводить одновременно в нескольких местах с выраженным эффектом присутствия спикера на всех площадках.

Общение в цифровую эпоху всё чаще становится асинхронным (через электронные ящики, автоответчики и т. д.). Более того, цифровизация сама становится культурной ценностью, поскольку позволяет преодолеть не только культурное пространство, но и культурное время как границы между эпохами и цивилизациями. Профессор Т. Ф. Кузнецова справедливо отмечает: «Детальный анализ архитектурного своеобразия египетских пирамид, расшифровка древних рукописей, воспроизводство голов жрецов, живших тысячелетия назад, построения останков их гортаней и т. д. были бы невозможны без применения цифровых технологий» [6, с. 5].

Фактически современный человек рождается в реальном физическом мире, а живет в двух мирах — физическом и виртуальном. Цифровое культурное пространство отводит центральное место субъекту познания. Локальные культуры, констатирует И. Г. Михайлова, выступают в данном контексте не более чем индивидуальными производными интерпретации и синтеза познающих субъектов [8, с. 122].

Кроме того, цифровизация, создавая широкие возможности индивидуального выбора культурной информации [13, с. 61], усиливает тенденцию к переходу от общего к частному. В культурном контексте это означает прежде всего то, что культура становится всё более лично-центрированной и всё менее общей. Личность в контексте

современной цифровой культуры принуждается к креативности как необходимому способу адаптации в информационной среде, поскольку экономика переориентируется с материального, товарного производства на производство услуг и информации. Если в доиндустриальную и доцифровую эпохи культурная традиция, выстраивавшаяся на основе национального культурного кода, детерминировала всю жизнь человека, то сегодня она выступает лишь отправной точкой личностного и социального развития. На основе усвоения национальной культуры сегодня формируется инновационность, предполагающая индивидуальное творчество, выходящее далеко за рамки национальных культурных кодов. Это, в свою очередь, обусловлено развитием глобальной цифровой экономики. Продукты информационного характера, производимые в современном мире, благодаря цифровизации распространяются вне национальных культурных границ и, соответственно, ориентированы на трансграничный культурный формат.

Итак, цифровизация, как практически любое явление, имеет и положительные, и отрицательные аспекты влияния на культуру. Положительные аспекты — расширение пространственных и временных границ

Национальный культурный код России в условиях цифровизации

Русский культурный код (культурный архетип) характеризуется рядом черт, сложившихся в ходе исторического развития под влиянием определенных природно-географических, политических и культурных факторов. Особое внимание следует обратить на мировоззренческий аспект русского культурного кода, который, с опорой на фундаментальный труд В. О. Ключевского [5], может быть раскрыт в приводимом далее перечислении характерных черт.

- Склонность к кратковременным сверхусилиям при недостаточном разви-

культуры, что приводит к ее обогащению, упрощает межкультурное взаимодействие, а значит, снимает многие межкультурные противоречия и формирует толерантный диалог культур. На уровне личности цифровизация способствует индивидуализации культуры (которая отныне зависит от способов интерпретации всего разнообразия культурных кодов познающим субъектом), а также креативности и инновационности как необходимым условиям адаптации в условиях цифровой экономики. К отрицательным, негативным аспектам цифровизации относятся размывание национальных культурных границ, нивелирование национального своеобразия или же обострение националистических тенденций и шовинизма как попытки сохранить границы национальной культуры неизменными, а также ряд проблем, связанных с этикой (компьютеры не являются нравственными субъектами) и безопасностью (уязвимость личных данных, цифровой вандализм, манипуляции и информационное пиратство) [14]. Культурная и социальная реальность в эпоху цифровизации становится в целом менее устойчивой и более зыбкой, и расшатывание устоев, по меткому выражению П. Фейерабенда, происходит по принципу «все средства хороши» [12, с. 23].

тии привычки к умеренному, но постоянному труду (из традиционного русского фольклора: «Господской работы не переработаешь», «Через силу и конь не везет», «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», и из современной молодежной субкультуры: «Дедлайн — наша жизнь» и т. д.).

- Доминирование коллективизма по отношению к индивидуализму (общинность, преобладание *Мы* над *Я* («Я» — последняя буква в алфавите)), коллективизация — мощнейшее движение в относительно недавней

истории России, навык принятия решений и действия «всем миром»¹ и т. д.).

- Установка на то, чтобы «быть как все» (со временем трансформировалась в установку «быть не хуже других»: «Что люди подумают», «Как люди, так и мы»).

- Отрицательное отношение к богатству, материальной обеспеченности, восприятие финансового успеха как результата несправедливого образа жизни («Чем беднее, тем щедрее», «Не жили богато, и начинать не надо», «Много сытно — мало честно»).

- Патернализм и ориентация на авторитет (часто в сочетании с социальной пассивностью: «Народ думает, а царь ведает», «Наше дело — сторона»).

- Восточно-бюрократический централизм.

- Соборность («На миру и смерть красна»), которую можно рассматривать как фундамент того, что позже стало коммунами, колхозами и т. д., трансформировалось в них или надстроилось над ними.

- Доминирование эмоционального восприятия реалий общественного бытия над рационально-логическим (концепт «русской души», «Дороже серебра и злата душа, что щедростью богата», и ставшие широко известными строки Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...», авторство которых многие приписывают народу).

- Эсхатологизм.

- Мессианство («Москва — Третий Рим, а четвертому не быть») и вместе с тем осознание своей роли в мировой истории и культуре, своего пути.

Остановимся на мессианстве подробнее. Русский философ, религиозный мыслитель, поэт и публицист Вл. С. Соловьев, одна из центральных фигур в русской философии XIX в., еще в 1884 г. писал:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судбины Божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
И отрекся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, —

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен,
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть².

¹ Мир — сельская община.

² Поэзия как жанр русской философии: [антология] / сост. И. Н. Сиземская. М.: ИФРАН, 2007. С. 293—294.

Маленко выступил автором слов и музыки к композиции, его соавторами в написании аранжировки стали народный артист РФ Г. Лепс и заслуженная артистка РФ Ю. Чичерина. Видео набрало более 2 тыс. просмотров спустя час после публикации и заняло первое место по просмотрам в мировой соцсети «Телеграм» по итогам 30 сентября (по данным TGStat). С 30 сентября по 4 октября 2023 г. его посмотрело более 30 млн чел. Это свидетельствует о том, что русский культурный код, формировавшийся веками, востребован и сегодня. Он вписан в коллективное бессознательное и особенно ярко проявляется в трудные для народа и страны времена.

С 2017 г. начался новый этап формирования цифрового социума в России, связанный со стартом программы «Цифровая экономика РФ». Под цифровой экономикой в данном случае следует понимать оптимизацию экономических процессов с помощью алгоритмов. Построение цифровой экономики влечет за собой и ряд изменений в социокультурной сфере.

В исследовании трансформаций сферы культуры под влиянием цифровизации, предпринятом Н. В. Волоховой и А. Ю. Огурцовой в 2020—2021 гг., выявлено: «В формировании социального поля российской цифровой экономики принимает участие семь основных полей: власти, науки, образования, экономики, культуры, IT и финансового поля» [2, с. 125].

Под влиянием цифровизации социокультурное пространство России постепенно переходит из географического и физического измерения в виртуальное, цифровое. Важно помнить, что базовые особенности национального культурного кода России сформировались под влиянием природно-географического фактора. В новых реалиях цифрового общества этот фактор перестает быть ведущим, что автоматически влечет за собой процессы трансформации национального культурного архетипа.

В исследовании Н. В. Волоховой и А. Ю. Огурцовой определено: «Акторами цифровой экономики <...> одновременно агентами поля культуры, выступают Министерство культуры, государственные и негосударственные учреждения культуры, лидеры мнений и пр.» [2, с. 127]. Под влиянием данных акторов экономические процессы цифровизации внедряются в культурный код народа. В ходе исследования сделан вывод о том, что, в отличие от акторов других полей, представители поля культуры демонстрируют средний уровень поддержки цифровой экономики.

Основные функциональные роли поля культуры в условиях цифровизации — мировоззренческая, адаптивная и интегративная. Поле культуры, исполняя эти роли, способствует осмыслению цифровизации в целом и цифровой экономики в частности, помогая обществу приспособиться к новым условиям бытия и сохраняя интегративную целостность социальной системы в условиях постоянных трансформаций.

В ходе тематического интервьюирования представителей российского поля культуры, проведенного Н. В. Волоховой и А. Ю. Огурцовой в 2020—2021 гг., выявлено отношение опрошенных к цифровизации культуры и получены как позитивные, так и негативные оценки данного процесса, распределившиеся в процентном соотношении приблизительно поровну [2, с. 127—128]. К позитивным оценкам относятся рост доступности достижений культуры для массовой аудитории в связи с цифровизацией, тогда как негативные оценки были вызваны, в основном, обеспокоенностью вопросами цифровой безопасности, уязвимости личных данных и угрозой разрушения традиционных ценностей.

Очевидно, что цифровизация как объективный и разносторонний процесс не может развиваться без учета культурного кода стран, которые в него вовлечены. В связи с этим на первый план выходят вопросы о том, как усилить позитивные аспекты влияния

цифровизации на национальную культуру той или иной страны и минимизировать негативное влияние. Поскольку настроенное (часто отрицательное) отношение к новым технологиям является элементом культурного кода русского народа, цифровизация в России неизбежно сталкивается со сложностями

Выводы

Таким образом, культурный код — это система представлений, образов и стереотипов сознания и поведения, имеющая не-иерархический исторический характер, отражающая национальные ценности и служащая основой национальной идентичности. Культурный код действует через культурное поле, которое, наряду с полями власти, науки, образования, экономики, информационных технологий и финансов, формирует социальное поле российской цифровой экономики.

Цифровизация как масштабный социокультурный процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны, которые прочитываются общественным сознанием по-разному, в зависимости от специфики национального культурного кода. Основные тенденции трансформации культурных кодов под влиянием цифровизации — их универсализация, локализация и индивидуализация.

Культурный код России складывается из множества элементов. В число основных из них входят преобладание коллективного над индивидуальным; превалирование идеализма над материализмом; доминирование религиозного фактора в общественном сознании над национальным фактором консолидации; стремление к «правде» как ценностной доминанте, стоящей выше права; ориентация на авторитет лидера; способность к быстрой мобилизации и краткосрочным сверхусилиям, доминирующая над способностью к регулярному умеренному труду; преобладание социальной пассивности над самоорганизацией и активностью; неодобрительное отношение

мировоззренческого и оценочного характера. Вместе с тем массовое сознание российского общества успело оценить многие положительные стороны цифровизации (закрывающиеся прежде всего в демократизации культуры и расширении возможностей доступа населения к культурной информации).

к богатству; традиционализм и неприятие инноваций и др. Осторожное отношение к инновациям как черта культурного кода тем не менее, как показывают современные исследования, не является препятствием для адекватной оценки преимуществ цифровизации со стороны представителей сферы культуры. В то же время именно критическое отношение к угрозам и рискам цифровизации, таким как уязвимость личных данных, цифровой вандализм, нивелирование национального своеобразия культуры и т. п., способно стать мотивирующим фактором для поиска путей минимизации нежелательного воздействия на национальное социокультурное пространство. Следовательно, национальный культурный код дает своеобразный «мировоззренческий иммунитет» против негативной стороны цифровизации, не препятствуя использованию ее позитивных аспектов и открывающихся благодаря ей возможностей, прежде всего приобщения широких слоев населения к передовым культурным достижениям.

Список литературы и источников

1. **Бабосов Е.** Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). С. 48—50. EDN: WADBYT.
2. **Волохова Н. В., Огурцова А. Ю.** Место и роль поля культуры в формировании и развитии российской цифровой экономики // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4 (113). С. 125—129. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.143> EDN: VWCLFX.

3. **Гордиенко О. В., Соколова А. А., Симонова А. А.** Аксиологические характеристики цифровой трансформации образования // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 9—21. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2019-3-9-21> EDN: UNDWFU.
4. **Динер Е. В., Лопатина Н. В.** Единое цифровое пространство знаний в формировании национального культурного кода личности: методология проектирования // Вестник МГУКИ. 2020. № 6 (98). С. 130—138. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-130-138> EDN: IBONSQ.
5. **Ключевский В. О.** Курс русской истории / ред. Е. Г. Басова. М.: Альфа-книга, 2019. 1197 с. (Полное издание в одном томе).
6. **Кузнецова Т. Ф.** Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 3—13. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1> EDN: GNCRJS.
7. **Мамедова Н. М.** Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3 (39). С. 74—85. EDN: RMIХIC.
8. **Микайлова И. Г.** Глобальная цифровизация социокультурного воспроизводства: “*deus ex machina*” или конец эры человека? // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3). С. 121—132. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.01.10> EDN: PPLQZR.
9. **Степин В. С.** Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.: ил. (Классика гуманитарной мысли).
10. **Худoley Н. В.** Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 643—653. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653> EDN: ZXVZKP.
11. **Baudrillard J.** Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981. 240 p.
12. **Feyerabend P.** Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. New York: Verso Books, 1975. 339 p.
13. **Medak T.** Transformations of cultural production, free culture and the future of the Internet // Digital Culture: The Changing Dynamics / eds A. Uzelac, B. Cvetičanin. Zagreb: Institute of International Relations, 2008. P. 59—70.
14. **Srivastava A.** The dark side of digitization in higher education causing technostress // Digital Transformation in Education: Emerging Markets and Opportunities. Singapore: Bentham Books, 2023. P. 20—45.
15. **Yacobi B. G.** The human dilemma: Life between illusion and reality // Journal of Philosophy of Life. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 202—211.

References

1. Babosov E. “The Cultural Code of Nation: A Subject and the Features”. *Nauka i innovatsii = The Science and Innovations* 3 (157) (2016): 48—50. (In Russian). EDN: WADBYT.
2. Volokhova N. V., Ogurtsova A. Yu. “The Place and Role of the Field of Culture in the Formation and Development of the Russian Digital Economy”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal* 11-4 (113) (2021): 125—129. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.143> EDN: VWCLFX.
3. Gordienko O. V., Sokolova A. A., Simonova A. A. “Axiological Characteristics of Digitalized Education”. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education* 3 (2019): 9—21. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2019-3-9-21> EDN: UNDWFU.
4. Diner E. V., Lopatina N. V. “A Single Digital Space of Knowledge in the Formation of the Cultural Code of an Individual: Design Methodology”. *Vestnik MGUKI = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts* 6 (98) (2020): 130—138. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-130-138> EDN: IBONSQ.
5. Klyuchevskiy V. O. *Course of Russian History*. Ed. by E. G. Basov. Moscow: Al'fa-kniga, 2019. 1197 p. (In Russian). Polnoe izdanie v odnom tome.

6. Kuznetsova T. F. “Digitalization as a Cultural Value and Digital Technologies”. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = The Horizons of Humanities Knowledge* 5 (2019): 3—13. (In Russian). <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1> EDN: GNCRJS.
7. Mamedova N. M. “Humans in the Age of Digitalization: On the Verge of Real and Virtual”. *Vek globalizatsii* 3 (39) (2021): 74—85. (In Russian). EDN: RMIXIC.
8. Mikailova I. “Global Digitalization of Sociocultural Reproduction: ‘Deus ex Machina’ or the End of the Human Era?” *Sotsial’nye novatsii i sotsial’nye nauki = Social Novelties and Social Sciences* 1 (3) (2021): 121—132. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.01.10> EDN: PPLQZR.
9. Stepin V. S. *Civilization and Culture*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. of the Humanities and Social Sciences, 2011. 407 p., ill. (In Russian). Klassika gumanitarnoy mysli.
10. Khudolei N. V. “National Culture Code and Its Actualization in Proverbs, Sayings, and in the Literary Classics”. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial’nost’ = RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14.4 (2017): 643—653. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653> EDN: ZXVZKP.
11. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée, 1981. 240 p. (In French).
12. Feyerabend P. *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. New York: Verso Books, 1975. 339 p.
13. Medak Tomislav. “Transformations of Cultural Production, Free Culture and the Future of the Internet”. *Digital Culture: The Changing Dynamics*. Ed. by A. Uzelac, B. Cvetičanin. Zagreb: Institute of International Relations, 2008. 59—70.
14. Srivastava A. “The Dark Side of Digitization in Higher Education Causing Technostress”. *Digital Transformation in Education: Emerging Markets and Opportunities*. Singapore: Bentham Books, 2023. 20—45.
15. Yacobi Ben G. “The Human Dilemma: Life Between Illusion and Reality”. *Journal of Philosophy of Life* 3.3 (2013): 202—211.

Информация об авторах

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Irina M. Gorbacheva — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Olga V. Shangina — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Svetlana I. Pudina — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию после доработки
13.11.2023.

The article was submitted after updating 13.11.2023.